

В. Б. Катаев

ЧЕХОВ ПЛЮС...

Предшественники,
современники, преемники

© Языки славянской культуры. Электронная версия книги. 2007

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2004

ББК 83.3(2Рос=Рус)
К 29

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 03-04-16026

Катаев В. Б.

К 29 Чехов плюс...: Предшественники, современники, преемники – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 392 с. – (Studia philologica).

ISSN 1726-135X
ISBN 5-94457-197-7

В книге известного исследователя творчества А. П. Чехова собраны работы, посвященные связям писателя с его предшественниками, современниками, преемниками, как в русской, так и в некоторых зарубежных литературах. В ней представлены страницы истории литературы, прочитанные «на фоне Чехова», — и Чехов, увиденный сквозь призму его литературных связей.

Писатель предстает в данной книге как один из центров тяготения и влияния в русской и мировой культуре.

Книга адресована студентам, аспирантам, исследователям чеховского творчества, его истолкователям на сцене и на экране, всем читателям Чехова.

83.3

*В оформлении переплета использованы материалы из изд.:
Мелиховский летописец: Дневник Павла Егоровича Чехова (М., 1995);
Anton Čechov: Sein Leben in Bildern (Zurich, 1987).*

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G•E•C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavik@gad.dk) has exclusive rights for sales on this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G•E•C GAD.

ISBN 5-94457-195-7

© В. Б. Катаев, 2004
© Ю. С. Саевич. Оформление серии, 2003
© Языки славянской культуры, 2004

СОДЕРЖАНИЕ

От автора.....	7

Другие и Чехов

I

«Умри, Денис, лучше не напишешь» (Из истории афоризма).....	19
Златая цепь: Чехов и Пушкин	29
Два поединка («Княжна Мери» и «Дуэль»).....	37
Гоголевский год	44
Лесков в литературных полемиках.....	51
«Виноваты все мы...» (К истории мотива в русской литературе).....	62

II

Щедринское и нещедринское в русской сатире конца XIX века.....	70
О мужестве в литературе: Гаршин — Гиляровский — Чехов	101
«Удивительна была его жизнь...»: Эртель	117
Боборыкин и Чехов (к истории понятия «интеллигенция» в русской литературе)	133

III

Христос и Дарвин в мире Чехова	157
Рихард Вагнер и русские писатели XIX века (Неизученные проблемы)	167

Франция в судьбе Чехова.....	181
Мопассан — Л. Толстой — Чехов: три решения одной темы.....	195

Чехов и другие

IV

Натурализм на фоне реализма (Проблема героя в русской прозе рубежа XIX—XX веков)	205
Повествовательные модели в прозе русского натурализма.....	242
Литература «Знания»: теория и практика дестабилизации	255

V

Чехов и Розанов	282
«Все мы» Чехова и «Мы» Евгения Замятина.....	292
«Каштанка» в XX веке: из истории интерпретаций.....	302
Буревестник Солёный и драматические рифмы в «Трёх сестрах»	311

VI

Солженицын о Чехове: полемика по умолчанию	322
Чехов и проза российского постмодернизма.....	330
«Чайка» — «Цапля» — «Курица» — «Ворона»: (Из литературной орнитологии XX века).....	346
Чехов — метадраматург XX века	355
Вместо заключения. Спор о Чехове: конец или начало?	365
Список работ В. Б. Катаева о Чехове	374
Указатель упоминаемых произведений Чехова.....	382
Указатель имен.....	385

ОТ АВТОРА

Я спросил моего друга, который не так давно переехал жить в Америку, о его впечатлениях от страны и людей.

— Между прочим, здесь я увидел, — ответил он, — как много живет на свете чеховских персонажей. Только они не догадываются об этом.

Его наблюдение (сам он, возможно, об этом не думал) в очередной раз подтверждает то, что сказал Лев Толстой сразу после смерти Чехова: об особой универсальности, всечеловечности чеховских произведений и их героев. Они сродны и понятны «не только всякому русскому, но и всякому человеку вообще... А это главное»¹.

Прошло сто лет с момента физической смерти Антона Павловича Чехова. «Бессмертие — вздор», — говорил как-то Чехов Бунину², но то, что произошло за эти десятилетия с его творческим наследием, соответствует всем метафорам, созданным человечеством для выражения именно идеи бессмертия. Процесс этот проходил и проходит, преодолевая временные и пространственные границы, — в каждой стране по-своему.

Великобритания. «Переселенье души Чехова, через театр, в совсем неизвестную ему Англию — одно из прекрасных и загадочных явлений искусства, вообще цивилизации»³, — пишет Яков Бергер. Ему вторит Патрик Майлз: «Для британского зрителя Чехов больше не является иностранным драматургом. В последнее десятилетие его пьесы уступают по популярности на профессиональной сцене лишь шекспировским — уникальный феномен в истории нашего театра. Процесс его освоения был нелегким. Но до известной степени история британского театра

нынешнего столетия есть история его внутренней трансформации по чеховским канонам...»⁴. Сравнение чеховского воздействия на мировую драму с шекспировским давно стало общим местом в критике и литературоведении на родине великого английского драматурга⁵.

Германия. Чехова часто переводили и ставили на сцене, но вплоть до середины 50-х годов оставалось непоколебимым мнение мэтров немецкой теории драмы, что чеховские пьесы не отвечают законам драматического искусства, что в них отсутствует твердая драматическая форма, что они являются скорее новеллистикой, попавшей на театральные подмостки⁶. Само течение времени, практика театра, все возрастающее признание Чехова читателями и зрителями заставили пересмотреть подобные взгляды. Сейчас нет ни одной серьезной работы по теории драмы, в которой не принимался бы во внимание и не изучался бы опыт Чехова-драматурга. В трудах Герды Шмид уже разрабатывается теория драмы *на основе* чеховского опыта и анализируется особый «чеховский тип драмы»⁷.

США. Когда-то, в начале века, Чехова надо было представлять читателю опосредованно, через более популярных в то время авторов («тот самый Антон Павлович Чехов, которому Максим Горький посвятил свой роман “Фома Гордеев”»⁸). Сейчас Чехов — наиболее популярный из иностранных драматургов на американской сцене, и Эдвард Олби заявляет, что именно Чехов является «полностью ответственным за возникновение драмы XX века»⁹. А Владимир Набоков в лекции, адресованной американским студентам, назвал «Даму с собачкой» одним из самых великих рассказов в мировой литературе¹⁰.

Примеры такого рода можно приводить и далее, меняя названия стран и континентов.

Эти-то два обстоятельства — что Чехов признан культурной фигурой действительно мирового масштаба и что он как живое явление продолжает оказывать воздействие на текущую литературу и искусство, — ставят задачи особого рода перед его исследователями.

На родине писателя масштабы и параметры изучения Чехова заданы несколькими определениями Льва Толстого, отчасти парадоксальными («Чехов — это Пушкин в прозе»; «Шекспир скверно писал [пьесы], а вы еще хуже»; «Он создал новые, совершенно новые, по-моему, для всего мира формы письма, подобных которым я не встречал нигде!»¹¹).

Что Чехов совершает «переворот в литературе»¹², некоторые из современников начали говорить уже к середине 1880-х годов. Осмысление творчества Чехова началось при его жизни, и долгое время вполне очевидной казалась оценка, данная этой прижизненной критике Корнеем Чуковским: «*Двадцать лет непонимания*»¹³. Считалось, что только постановки Московского Художественного театра дали адекватную интерпретацию чеховским пьесам. Несмотря на то, что сам автор по крайней мере половину из этих постановок (две из четырех) оценил резко критически¹⁴, именно они на долгие десятилетия, вплоть до середины прошедшего века, определили направление трактовки Чехова на советской сцене. Что касается оценки понимания Чехова прижизненной критикой, формулу Чуковского оспаривает в своих работах А. П. Чудаков, показавший, что современные писателю критики верно отметили многие особенности непривычной поэтики Чехова, хотя и встретили их при этом чаще всего неприятием¹⁵. Думается, истина здесь не столь однозначна. Да, особый характер чеховских деталей, описаний и характеристик был уловлен современниками, но до подлинного понимания того, что совершал Чехов, им было далеко.

Отношение к Чехову в советские годы в целом характеризует еще одна формула, принадлежащая Василию Гроссману. «*Чехов у нас по недоразумению признан... А сути Чехова государство не понимает, потому и терпит его*», — говорят герои его романа «Жизнь и судьба» (ч. 1, гл. 66). Глеб Струве, назвавший свою статью о 20-томном издании сочинений Чехова 1940-х годов «Чехов в коммунистической цензуре»¹⁶, указал в ней на десятки купюр, по большей части идеологического характера, которые сделали в текстах писателя редакторы этого собрания. Но надо признать, что с изданиями произведений Чехова, с его постановками, с созданием музеев в советские годы в целом обстояло благополучно. Другое дело, какая функция отводилась этому *государственно признанному Чехову* в общей системе идеологических установок и насколько односторонним или искаженным требовался при этом подход со стороны его исследователей.

Прямо и сознательно обслуживали официальную установку на создание облика «нашего» Чехова с середины 40-х годов Владимир Ермилов и его школа. Далее всех пошел Г. П. Бердников, который уже в 80-е годы в книге, увенчанной, ввиду служебного положения ее автора, всеми возможными наградами, в качестве

высшей похвалы Чехову предлагал такую формулу его творческого пути: писатель поднялся в итоге своих исканий до «социального реализма»¹⁷ (хотя и не смог достигнуть высот реализма социалистического). Чеховскую Чайку, как было остроумно замечено, гримировали под горьковского Буревестника — такова была цена официального признания и даже пиетета по отношению к Чехову.

Илья Эренбург, в годы хрущевской оттепели перечитывая Чехова и литературу о нем, точно подметил унылое однообразие казенных формул, проникавших всюду, вплоть до школьных учебников и энциклопедических словарей: писатель «разоблачал», «обвинял», «подготавливал», «приветствовал»... Но буквально в тех же выражениях, что и о Чехове, писались статьи о Салтыкове-Щедрине, Глебе Успенском...¹⁸ Таким было официальное чеховедение, бесконечно далекое от живого, никогда не прекращавшегося читательского и зрительского интереса к писателю. Свежим диссонансом выглядели отдельные работы А. Б. Дермана, А. П. Скафтымова, Г. А. Бялого¹⁹. Но не они делали погоду.

Переломом можно считать 70-е годы. Тогда (во многом вследствие роста мирового интереса к Чехову и мировой же критики предшествующих советских изданий) в Институте мировой литературы была начата работа над 30-томным академическим собранием его сочинений и писем. Чеховская группа собрала лучших литературоведов и текстологов — Л. Д. Опульскую, Н. И. Гитович, З. С. Паперного, В. Я. Лакшина, М. П. Громова, Э. А. Полоцкую, Е. М. Сахарову, А. Л. Гришунину и других, привлекла начинавшую тогда молодежь — А. П. Чудакова, И. Е. Гитович, И. П. Видуэцкую и др. Для автора этих строк и других литературоведов нашего поколения обращение к Чехову начиналось в университетских семинарах В. В. Виноградова, С. М. Бонди. Там нас учили «честному прочтению», пониманию авторского смысла произведений, анализу текста. Я вошел в группу в последний момент. Моей задачей было писать комментарии к рассказу «Архиерей» и к тому писем, в котором большое место занимает «дело Дрейфуса». Вопросы религии, церкви и антисемитизма в те годы (как, впрочем, и сейчас) были политически чувствительными, и тем, кто первоначально должен был писать комментарии, это, должно быть, показалось достаточно рискованным. Рискнуть досталось мне, начинающему чеховеду.

Тогда мы, конечно, не ограничивались вопросами текстологии и комментирования, а были поглощены серьезными проблемами нового подхода к Чехову. В те годы освежающим подходом, вызовом псевдосоциологическим схемам было само обращение к проблемам поэтики Чехова, к проблемам интерпретации его произведений, его мировоззрения, места в русской и мировой литературе²⁰. Вызов был почувствован ревнителями официальной чеховистики; старая гвардия не собиралась терпеть вольностей. Книга Чудакова «Поэтика Чехова» подверглась суровой критике в «Вопросах литературы», а положительная рецензия на мою книгу о проблемах интерпретации Чехова была в том же журнале изъята в последний момент, уже на стадии верстки. Но вызов был услышан и подхвачен следующим, более молодым поколением исследователей (книги И. Н. Сухих, А. С. Собенникова, П. Н. Долженкова, Р. Е. Лапушина²¹ и др.). К счастью, времена изменились, и выражение неортодоксальных взглядов на Чехова давно перестало приравняться к подрыву общественных основ.

Академическое издание сделало очень много для установления канонического текста чеховских произведений, для реального их комментирования. Но остаются поныне белые пятна, закрыть которые предстоит, может быть, будущим исследователям.

Так, до сих пор мы не знаем точно первых (до «Письма к ученому соседу») публикаций Чехова, не знаем точного названия и даты завершения его юношеской пьесы, не знаем точно, когда писался «Дядя Ваня». Не только неоткомментированными остаются многие места в произведениях и письмах Чехова — многое, написанное его рукой, остается неопубликованным: его студенческие медицинские записи, тысячи сахалинских карточек, не восстановлены купюры в письмах, проливающие порой совершенно новый свет на его личность. Когда-нибудь должен быть издан нулевой, «лицейский»²² том Чехова — а также 31-й, дополнительный том его сочинений и писем, содержащий неизвестные и несобранные тексты, написанные рукою Чехова.

И вопросы понимания Чехова, которые казались важными двадцать пять лет тому назад, остаются столь же важными и сегодня. Чехова любят, но правильно ли его понимают? И что значит в данном случае «правильно»? Какие пути позволяют приблизиться к осознанию истинного места и размеров этого явления русской и мировой культуры?

Можно сказать, что сменявшие один за другим литературоведческие облики Чехова отражали не просто смену общественных и культурных парадигм или установок. Кого видеть в Чехове — бытописателя (формула Зинаиды Гиппиус «быт без бытия»), летописца ли своей эпохи, или выразителя идеологии русской интеллигенции, или художника-психолога, или холодного ирониста, или выразителя гуманистических ценностей? Художника, *завершающего* золотой век русского реализма, или, наоборот, *открывающего* пути литературного авангарда, литературы абсурда, а сейчас и постмодернизма? Все подобные истолкования представлены в литературе о Чехове, увеличивающейся в среднем на несколько сотен названий на разных языках ежегодно. Все более утверждается интерес к пониманию Чехова как оригинального мыслителя. «Антон Чехов — философское и религиозное измерение его творчества» — такой была проблематика последнего чеховского конгресса в Баденвейлере, собравшего более 80 исследователей из многих стран²³.

Сегодня изучение Чехова ведется не только традиционными культурно-историческими или структуралистскими методами. Не обошли его новейшие веяния в литературоведении, исходящие из концепций деконструктивизма, элиминации автора и сколь угодно произвольных читательских стратегий истолкования текста. Я не убежден, что плодотворны истолкования Чехова, которые требуют, например, едва ли не в каждом его произведении видеть отражение мифа о св. Георгии, змие и девице; или что правильна стратегия толкования рассказа «Гусев», исходящая из того, что заглавный герой после смерти станет добычей *акулы*, а в предсмертном бреду он вспоминает дочку оставшегося в России брата *Акульку*; или что смысл рассказа «Дама с собачкой» намного прояснится, если мы узнаем, что древнееврейское слово *гур* (как-то созвучное фамилии главного героя рассказа Гурова) означает «щенок, собачка»; или что спектакль по пьесе «Три сестры» можно построить как геополитическую фантазию на тему суверенизации трех прибалтийских республик...

Такие современные подходы (как в литературоведении, так и на театральных подмостках), порой весьма остроумные, характеризуют, конечно, не столько Чехова, сколько его истолкователей.

Можно согласиться с теми, кто утверждает, что в тексте произведения говорит не только и не столько автор, сколько «сам»

язык, вследствие чего каждый читатель вырабатывает свою «стратегию» освоения этого текста и может увидеть в нем смыслы, не предвиденные автором. Но делать исходной точкой обязательную «элиминацию» автора? Да еще такого, определенно имевшего что сказать, как Чехов? Не лучше ли, не интереснее ли для начала попытаться услышать то, что *такой* автор хочет сказать нам?

В этой книге собраны работы, посвященные связям творчества Чехова с его предшественниками, современниками, преемниками как в русской, так и в некоторых зарубежных литературах.

В разные годы я обращался к различным сюжетам из истории литературы. И почти каждое такое обращение выводило меня в конечном счете на Чехова — изучал ли я со своими студентами следы взаимодействия русских писателей с творчеством Рихарда Вагнера, писал ли о сосуществовании реализма и натурализма в прозе рубежа веков (XIX и XX — теперь нельзя без этого уточнения), прослеживал ли судьбу одной из крылатых фраз времен Потемкина и Фонвизина, или читал спецкурс о судьбах русской классики в эпоху постмодернизма.

Не обязательно все эти исследования изначально имели предметом творчество Чехова. Но чем далее, тем более я убеждался: какой бы период новой русской литературы, творчество какого из заметных русских писателей ни затронуть, во всем могут выявиться связи, ведущие к Чехову. Чеховское предстает либо как продолжение традиций, как переключка-соперничество с современниками, либо как начало, получившее развитие в последующей литературе. И многие забытые имена и произведения сегодня представляют интерес только в связях с чеховским творчеством.

Так что точнее тему этой книги можно определить так: страницы истории русской литературы, прочитанные «на фоне Чехова», — и Чехов, увиденный сквозь призму его литературных связей.

Юрий Лотман в одном из своих последних выступлений, делая доклад на Блоковской конференции, предлагал очертить воображаемым циркулем круг литературного развития от Пушкина до наших дней. Острые воображаемого циркуля приходится, говорил ученый, на эпоху Блока. И при этом, вне видимой связи с темой конференции, добавил: «В очерченном таким образом

кругу будет еще один хронологический и исторический центр — Чехов»²⁴.

Понятие «центра поэтической культуры» применительно к Пушкину в свое время выдвигал Роман Якобсон²⁵. Он говорил в связи с этим об «определенной зоне влияния», о тяготении к этому культурному центру, об усвоении известных воздействий от центра тяготения. Прочитать какого-либо автора на достаточно обширном литературном фоне или, наоборот, обозреть те или иные периоды литературного развития в их отношении к творчеству одного автора — две взаимосвязанные задачи для историка литературы.

Чехов предстает в данной книге как один из центров тяготения и влияния в русской культуре. Можно ли считать, что каждый из больших русских художников слова является таким центром тяготения, со своими зонами влияния, диктуемыми тенденциями? Возможно. Показать это могут конкретные исследования.

В этих и многих других случаях без обращения к Чехову обойтись нельзя. Не был ли такой «чеховоцентризм» преувеличением, следствием увлеченности (а Чехов для меня был и остается человеком и писателем несравненным), а отсюда — натяжек, искусственного притягивания? Не являлось ли это следствием односторонности «специалиста» — односторонности, которая, как говаривал Козьма Прутков, подобна флюсу?

Может быть. В конце концов, так складывалась судьба: в далекие уже годы начинающий филолог получил от Сергея Михайловича Бонди одобрение своей студенческой работы о Чехове, потом, спустя несколько лет, был принят в круг людей, работавших над подготовкой академического собрания сочинений писателя, много лет руководил чеховским семинаром в Московском университете... От впадения в неизбежные в таких случаях односторонности спасало то, что избранный писатель неизменно оправдывал сказанное о нем однажды Станиславским: «Чехов неисчерпаем...»

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Цит. по: Лит. наследство. Т. 68: Чехов. М., 1960. С. 875.

2. Букин И. А. Из незаконченной книги о Чехове // Лит. наследство. Т. 68. С. 666.

3. См.: *Miles Patrick. Chekhov on the British Stage.* Cambridge, 1987. P. vi.
4. Там же. P. 1.
5. См. обширный материал об этом в антологии: *Chekhov: The Critical Heritage / Ed. by V. Emeljanow.* London, Boston, 1981.
6. См.: *Хализев В. Е.* Творчество Чехова в немецких историях и теориях драмы // Изв. АН. Сер. литературы и языка. 1992. № 1. С. 84—98.
7. *Schmid H.* Strukturalistische Dramentheorie: Semantische Analyse von Cechovs «Ivanov» und «Der Kirschgarten». Skripten Literaturwissenschaft. 3. Kronberg / Ts. 1973. См. также: *Бреммер Бернхард.* Творчество Чехова в немецком литературоведении и теории драмы // Чехов и Германия. М., 1996. С. 252—271.
8. В статье Абрама Кагана в нью-йоркском журнале «Forum» (1899, September).
9. См.: *Засурский Я.* Встреча с Эдвардом Олби // Литературная газета. 1969. 24 дек. С. 13.
10. *Набоков Владимир.* Лекции по русской литературе. М., 1996. С. 337.
11. См.: Литературное наследство. Т. 68. С. 660, 875.
12. См.: Письма А. П. Чехову его брата Александра Чехова. М., 1939. С. 149.
13. *Чуковский Корней.* О Чехове. М., 1967. С. 89.
14. О разногласиях Чехова с МХТ при постановках «Чайки» и «Вишневого сада» см.: Переписка Чехова: В 3 т. Т. 3. М., 1996.
15. См.: *Чудаков А. П.* Поэтика Чехова. М., 1971. С. 174—181. Наиболее обширное собрание прижизненной критики Чехова см. в антологии: А. П. Чехов: Pro et contra / Сост. И. Н. Сухих. СПб., 2002.
16. *Slavonic and East European Review*, XX (1961). P. 327—341.
17. *Бердников Г. П.* А. П. Чехов: Идеи и творческие искания. 3-е изд. М., 1984. С. 398.
18. См.: *Эренбург Илья.* Перечитывая Чехова. М., 1960. С. 8—9.
19. *Дерман А. Б.* О мастерстве Чехова. М., 1959; *Скафтымов А. П.* Нравственные искания русских писателей. М., 1972 (статьи о Чехове); *Бялый Г. А.* Чехов и русский реализм. Л., 1981.
20. См.: *Шах-Азизова Т. К.* Чехов и западноевропейская драма его времени. М., 1966; *Чудаков А. П.* Указ. соч.; *Он же.* Мир Чехова. М., 1986; *Катаев В. Б.* Проза Чехова: проблемы интерпретации. М., 1979; *Он же.* Литературные связи Чехова. М., 1989; *Полоцкая Э. А.* А. П. Чехов: Движение художественной мысли. М., 1979; *Она же.* О поэтике Чехова. М., 2000; *Турков А. М.* А. П. Чехов и его время. М., 1980; *Линков В. Я.* Художественный мир прозы А. П. Чехова. М., 1982; *Он же.* Скептицизм и вера Чехова. М., 1995; и др.
21. *Сухих И. Н.* Проблемы поэтики Чехова. Л., 1987; *Собенников А. С.* «Между “есть Бог” и “нет Бога”...». Иркутск, 1997; *Долженков П. Н.* Чехов и позитивизм. М., 1998; *Лапушин Р. Е.* «Не постигаемое бытие...»: Опыт прочтения А. П. Чехова. Минск, 1998.